

Яцевич Мария Юрьевна

КРИТИКА ИДЕОЛОГИИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА В СОЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Статья посвящена исследованию влияния доминирующих социально-философских теорий периода модерна и постмодерна на становление феномена идеологии. В работе представлен анализ онтологических и методологических принципов идеологии, детерминирующих ее сущностные характеристики в условиях господства определенного философского дискурса. Выявлена взаимосвязь между критикой феномена идеологии, а также развитием и интерпретацией социальных практик в западноевропейском обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/1/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63). С. 217-220. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

7. Шевченко В. Я., Шудегов В. Е. Концепция развития работ по нанотехнологиям // Белая книга по нанотехнологиям: исследования в области наночастиц, наноструктур и нанокompозитов в Российской Федерации: мат-лы Первого всероссийского совещания ученых, инженеров и производителей в области нанотехнологий. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 28-41.
8. Шилова О. А., Кручинина И. Ю. Золь-гель технология микро- и наночастиц и нанокompозитов [Электронный ресурс]. URL: <http://xtreme.ws/books/1488776-skachat-zol-gel-tehnologiya-mikro-i-nanokompozitov-besplatno.html> (дата обращения: 30.07.2014).
9. Iijima S. Helical Microtubules of Graphitic Carbon // Nature. 1991. No. 56. P. 56-58.
10. Nordmann A. Philosophy of Technoscience in the Regime of Vigilance [Электронный ресурс] // International Handbook on Regulating Nanotechnologies / ed. by D. Bowman, G. Hodge, A. Maynard. Cheltenham: Edward Elgar, 2010. URL: http://umrsblogs.org/wp-content/uploads/2011/02/Handbook-Regulating_nanotech_ch126.pdf (дата обращения: 14.08.2013).
11. Traweek Sh. Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physics. Harvard University Press, 1988. 162 p.

NANOTECHNOLOGIES AND NANOSCIENCE: EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS

Yastreba Natal'ya Andreevna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Vologda State University
nayastreba@mail.ru

The article examines the foundations of instrumental revolution associated with the appearance of nanotechnologies. It is shown that the ontological peculiarities of nanosystem technology are connected with the specificity of the dimension of objects and manipulators going beyond the dominance of quantum effects, but not enough for the manifestation of macrofeatures. The epistemological basis of nanotechnologies is understood in the framework of constructivism and reductionism, and its main methodological principle is the unity of the world at nanoscale.

Key words and phrases: nanotechnologies; instrumental revolution; philosophy of technology; technoscience; nanosize systems; constructive realism.

УДК 130.3

Философские науки

Статья посвящена исследованию влияния доминирующих социально-философских теорий периода модерна и постмодерна на становление феномена идеологии. В работе представлен анализ онтологических и методологических принципов идеологии, детерминирующих ее сущностные характеристики в условиях господства определенного философского дискурса. Выявлена взаимосвязь между критикой феномена идеологии, а также развитием и интерпретацией социальных практик в западноевропейском обществе.

Ключевые слова и фразы: идеология; дискурс; социальная теория; онтология; методология; социальные практики; социальные идеалы; модерн; постмодернизм.

Яцевич Мария Юрьевна, к. филос. н.

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева
Maria762003@list.ru

КРИТИКА ИДЕОЛОГИИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА В СОЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА[©]

Трудности в интерпретации социальных процессов в современной философии все чаще сводятся к проблемам идеологического характера. На протяжении всего периода своего существования идеология проявляла себя как многогранный феномен, функционирующий не только на уровне политического мировоззрения, но и как программируемое поле социальных исследований. Широко известно, что идеология позиционирует цели, способы управления масштабными социально-политическими процессами, определяет нормативные и мировоззренческие основания общественной жизни, структурирует коммуникации, тем самым генерируя социальную реальность. Но проблема состоит в том, что современное социогуманитарное знание, исследуя социальные практики, во главу ставит принцип «открытости», что позволяет критично относиться к любой теоретической или практической форме деятельности. При этом идеология, как одна из наиболее влиятельных форм детерминации социальной реальности, по своей природе всегда остается закрытой для непредвзятого объективного исследования, нивелируя возможность критики. Идеология, претендуя на владение абсолютной истиной, ограниченная собственным концептуальным аппаратом, а также методиками «улучшения» общества, стремится не просто отвести от себя критический взгляд, а максимально оказывать свое влияние на научно-исследовательские программы и развитие научного знания. Идеология стремится сформировать собственную парадигму, продвигающую ее цели, в первую очередь, посредством использования социально-гуманитарных исследовательских программ. Происходит это, как правило, через унификацию понятийно-категориального аппарата, общее концептуальное оформление социальных идей, методологические процедуры,

финансовое обеспечение исследовательских проектов, информационную поддержку и др. Таким образом, претензии идеологии на формирование стратегии социальных исследований часто блокируют рациональную критику и непредвзятую оценку методов и способов влияния на общественную практику. В этой связи критика идеологии зачастую становится всего лишь идеологической критикой, инициированной определенной идеологической доктриной. Данная особенность идеологии является сегодня одной из важнейших причин, детерминирующих целый комплекс негативных социальных явлений: социально-экономические кризисы, увеличение очагов напряженности, снижение безопасности, патологические формы властного давления и др.

При этом все существующие попытки критически взглянуть на идеологию чаще всего приводят к созданию новых дискурсов, направленных не просто на «размывание» онтологической подоплеки определенной идеологической версии, а также и на создание новой теоретической стратегии описания реальности. Эта постоянная попытка обосновать «ложность», «фантазматичность» и «несостоятельность» предшествующего идеологического дискурса является проявлением традиционного для западноевропейского способа мышления, возникшего еще во времена античности и окончательно оформившегося в философии модернизма.

Как известно, феномен идеологии возникает в условиях мировоззренческого кризиса (XIV-XVII вв.), когда происходит разрушение традиционной картины мира, фундированной генерализованным дискурсом с рационалистической системой обоснования теоцентрической онтологии и иерархичной модели реальности. Ее появление стало попыткой преодолеть и восстановить целостность и упорядоченность бытия. Но уже на закате эпохи модерна (в XIX в.) идеология впервые была подвержена серьезной критике. В первую очередь под сомнение были поставлены ее телеологические и ориентационные функции (К. Маркс), а затем последовали высказывания о ее принципиальной «иллюзорности» и «фантазматичности» (Ж. Делез, М. Фуко, Р. Барт, С. Жижек), представившие идеологию в виде «паразитирующего образования» на «теле общества».

Сложившаяся ситуация во многом является последствием «размывания» классического европейского эпистемологического каркаса, который в течение многих веков объяснял и структурировал реальность, обеспечивая определенную целостность и динамичность развития западной цивилизации.

Сформировавшаяся во времена античности и укрепившаяся в эпоху модерна рационалистическая эпистемология не только породила идеологию, но и обеспечила ей благоприятные условия существования с помощью иерархизированной системы понятий и ценностей, способов аргументации, устройства властных институтов, принципов самоидентификации субъекта и прочих процедур. Идеология, таким образом, стала естественным следствием новой традиции мироописания, где реальность социальных практик напрямую зависит от концептуального аппарата и ценностных установок, обеспечивающих абсолютное господствующее положение генерального дискурса цивилизации. Так идеология становится одновременно и предметом веры, и способом рационального объяснения социальных процессов.

Свою противоречивость и двойственность феномен идеологии во многом наследует из того теоретико-методологического контекста, который сопровождал формирование модернистского дискурса на протяжении XVI-XIX веков. Так, с одной стороны, модерн стремится к разрыву с ценностно-мировоззренческой традицией предшествующей ему эпохи Средневековья, с другой – продолжает придерживаться его основополагающих онтометодологических установок. Такого рода дискурс, полагает Р. Рорти, центрируется вокруг таких общих и типичных для классической философии «трансцендентальных означаемых», как «Бог», «Абсолютная Истина», «Бытие», «Сущность», «Знание» и др. [5, с. 48-52]. Новоевропейские эпистемологические процедуры дали «новую жизнь» данным категориям и возвели на пьедестал «нового бога» – Разум, который становится не только иерархически привилегированной онтологической точкой и единственным критерием истины, но и социальным нормативом. В результате формируется новый тип метадискурса с господствующими принципами логоцентризма и прогрессизма. Ключевое значение приобретает разумный, креативный индивид, обладающий особым онтологическим статусом. Окончательно рационалистические отношения субъекта с бытием зафиксировала модель, основанная Р. Декартом и завершенная И. Кантом, определив трансцендентального субъекта как логоцентрическую единицу, конституирующую бытие как иерархичное и упорядоченное. В описание бытия модерн вводит такие смыслообразующие концепты как «закономерное», «рациональное», «нормативное», «сознательное», и соблюдает оппозиции: «должное – действительное», «истинное – ложное», «рациональное – иррациональное», «нормальное – патологическое», «необходимое – случайное» и т.д.

Новоевропейский дискурс аналогичным образом конструирует и принципы социальных практик, где основными ориентирами и ценностями объявляются: свобода (как осознанная необходимость), рациональность, регламентация и стандартизация поведения, унификация способов действия и существования индивидов на основе определенной системы ценностей, а также необходимость контроля и подчинения посредством соответствующих властных институтов. Все это явилось следствием онтометодологической традиции, ориентированной на создание «улучшенной» версии бытия, отвечающей запросам автономного субъекта к «разумному», управляемому и комфортному существованию. При этом легитимным правом, привилегией «правильно организовать» социум обладают, как считает М. Фуко, только представители нормативного знания, то есть агенты закона, институтов власти и представители научного сообщества, функции которых в реальности современного социального устройства совпадают [6, с. 69]. В результате эпистемологические ориентиры эпохи – логоцентризм и универсализм, а также утверждавшаяся вера в почти абсолютные возможности научно обоснованных идей воплотились в идее рационального построения социальной жизни под контролем элит, наделенных властью на основе знания.

Так, характерные для новоевропейского дискурса бинарные оппозиции – «истина – ложь», «власть – подчинение» и др. закрепили соответствующую платформу для интерпретации реальности, где мир повседневных социальных практик позиционировался как «несовершенный», «несвободный» и нуждающийся в корректировке

на основе «эталона/идеала». Оставшаяся в «наследство» от Платона характеристика идеального как «истинного» и «познаваемого» у западных философов переносится на социальный мир, где формируется представление об идеологии как учении об идеальных принципах устройства общества (Д. де Траси). В результате идеология становится источником новых «образцов», основанных на принципах «рациональности» и «истинности», которые при условии «правильно» выбранной методики преобразования общества могут стать действительностью. Все существующие социальные проблемы объявлялись разрешимыми, но при условии «необходимой» ориентации на строго определенные идеалы и «единственно верный» путь развития.

В политической сфере формируются соответствующие способы управления и осуществления власти, где воплощением «идеала» является иерархизм, подчинение, порядок, контроль. Данная модель предписывала соответствующее оформление всех социальных институтов, экономических и политических практик, ценностно-нормативных ориентиров, стимулировала унификацию основных сфер общественной жизни, усиление контроля над коммуникациями, регламентацию и стандартизацию деятельности индивида. Эти явления отчетливо обозначились во всех без исключения социальных метапроектах модерна. И такие фундаментальные принципы, как рациональность, нормативность, демократизация, инновационность, стремление к свободе и независимости, легли в основу всех классических идеологий.

Во второй половине прошлого века политическая реальность позволила констатировать «конец идеологии» [7]. Череда социальных кризисов и нестабильность, вызванные господством и противоречиями существующих идеологий, запустили мощный механизм критики традиционных теорий и методологических процедур интерпретации социального бытия. Так, во многом потребность среди исследователей создать новую стратегию решения современных проблем спровоцировала появление постмодернизма. Последователи данного интеллектуального течения связывали большинство социальных и экзистенциальных противоречий в западном мире с абсолютизацией дискурса модерна. По их мнению, классическая модель описания мира является не более чем «мифологемой», претендующей на абсолютную истинность, объективность и универсальность. Постмодернисты полагали, что кардинально изменить социальные практики возможно, если «позволить» бытию отказаться от абсолютизированной «точки смысловой пристежки», но стать просто «текстом», вариантом «языковой игры».

Деконструкция, полагали постмодернисты, должна стать способом расширения границ «мозаичного» социального пространства, освободив его от схематизма и логоцентризма. Познание не должно укладываться исключительно в пределы универсалистской эпистемологии прошлого с его бинарными стереотипами мышления. Исследовательские процедуры необходимо перевести в плоскость intersubjectивного обмена мнениями, где знание не есть объективная истина, но скорее вариант консенсуса для преодоления конфликтов и противоречий, способствующий расширению многообразного человеческого опыта [8]. Ж. Делез полагал, что новая социальная теория, избавившись от метафизического и рационалистского авторитаризма, должна развиваться как свободный поиск возможностей для диалога и толерантной межкультурной коммуникации [2, с. 137]. По мнению Р. Рорти, это позволит найти возможности для сплочения отдельных индивидов на основе «солидарности», общности интересов, а не в поисках «объективной истины» или «абсолютной идеи» [4, с. 20].

В этой связи собственно идеология стала восприниматься как квинтэссенция весьма иррациональных политических, дискурсивных и культурно-цивилизационных установок, предписывающих не только формы социальной интеграции, но и способы идентификации и самоидентификации, детерминирующие смысловое пространство индивида. В связи с этим все социальные доктрины, позиционирующие себя как «абсолютно истинные» и «рациональные», были определены как метадискурсы, преследующие цель тотального господства и закрепления за собой властных полномочий.

Кроме того, последователи постмодерна подвергают жесткой критике саму претензию идеологии на рациональность. По их мнению, модернистские идеологемы внутренне противоречивы и имеют сходство скорее с мифологией, чем с научно-теоретическим сознанием. Подчеркивается неспособность идеологии к обоснованию своих положений, невозможность доказательства и эмпирической проверки идеалов и ценностей. В связи с этим идеология представляется в виде смыслового пространства, включающего в себя набор ценностных установок, знаково-символических средств, языковых структур или «фантазматического» сценария, спекулирующего на принципе удовольствия и бессознательных инстинктах (Р. Барт, Ж. Делез, Л. Альтюссер, С. Жижек).

Критике постмодернистов подвергаются все существующие типы идеологии, подробно раскрываются принципы функционирования, захвата и поддержания власти, методы манипулирования и распространения в массовом сознании. Подчеркивается, что в современном мире отсутствует внеидеологическое пространство, «чистая» реальность, на которую не распространяются смысловые концепты какой-либо идеологемы. Субъект лишен возможности найти позицию стороннего наблюдателя вне структур идеологии, полагает С. Жижек. Идеология «вездесуща», она заключена в наших ментальных процессах, она «питается» инстинктами и желаниями индивида, восполняет «нехватку» бытия [3, с. 128]. Но тем не менее человек стремится выйти за пределы идеологического, обрести свободу выбора, заглянуть «по ту сторону добра и зла».

Для данных философов единственная возможность преодолеть идеологическую систему координат – признать ее иррациональный (иллюзорный, случайный) характер и отвергнуть процедуры, способствующие внедрению в общественное сознание готовых «абсолютных» смыслов и идеалов. То есть важно отыскать в идеологии такой элемент, который позволит констатировать факт ее несостоятельности и фантазматичности или обнаружить социальную или индивидуальную проблему, которую идеология стремится скрыть, замаскировать и использовать для собственных целей. Лишенная флера рациональности и смыслообразующей силы, идеология потеряет свой статус и перестанет быть привлекательной системой, фундирующей социальную реальность.

Но проблема заключается в том, что критический анализ смыслового содержания идеологии может быть проведен при помощи когнитивных процедур, разработанных иной эпистемологической установкой, которые находятся за пределами идеологического поля, игнорируют логику и понятийный аппарат данной доктрины. При этом почти всегда альтернативный дискурс в процессе разоблачения и деконструкции идеологического метанарратива вводит собственную концептуальную модель, методологический инструментарий, а также и идеальную модель социального устройства, тем самым претендуя на истинность и универсальность. В результате претензии нового метапроекта вместо критики идеологии оборачиваются уже своей противоположностью, то есть идеологической критикой или борьбой идеологий.

Представляется, что ни один социальный дискурс (не является исключением и постмодернизм) не может избежать претензий на структурирование бытия, опираясь на определенные методологические приемы в соответствии со своими теоретическими традициями и выработанную им сеть концептов. Отличительной особенностью дискурсов, порожденных западной системой мышления, зачастую является стремление перестроить реальность в соответствии с собственным, «более истинным» (даже постмодернистский постулат об «отказе от истины» превращает данный тезис в фундамент «новой истинности») представлением об устройстве бытия и «идеальной» организации социального мира. В итоге возникает новая версия метанарратива или новый идеологический проект.

Так, представители постмодерна во многом стремятся к типичному для западного мышления структурированию реальности, где фиксируются общие онтологические параметры (мозаичность, поливариативность, отсутствие центрированности, субъективность, сюрреалистичность), формируется методологический инструментарий («фасетная» методология, где в основе лежат принципы деконструктивизма, анархизма, психоаналитическая редукция и т.д.), разрабатываются программные положения по реорганизации социальных процессов (основанные на принципах либертарианства, этноцентризма, антииерархизма, сегментированного управления). Таким образом, постмодернизм сегодня диктует основополагающие теоретические условия и социокультурные практики, фиксируя тем самым собственный статус – метадоктрины. В этих обстоятельствах современная социальная онтология имеет слабые онтометодологические возможности для преодоления традиционной для западной цивилизации потребности субъекта в структурировании реальности.

Но «генетическая» предрасположенность европейского мышления к построению метанарративов не может являться основанием для отказа от создания новых теоретических форм, а также постоянной рефлексии о способах их реализации в социальной сфере. И возможно, что продуктивная критика и «разоблачение» смыслообразующих концептов в классических идеологиях должны способствовать их перемещению из области трансцендентального в сферу социальных практик, что позволит более эффективно модернизировать, к примеру, правовое и политическое пространство.

Такого рода процедура может быть применена к таким метафизическим категориям и одновременно социальным идеалам, как «свобода», «справедливость», «истина», «благо», «очищенный» от идеологического влияния и лишенным статуса трансцендентального означающего. Это позволит разработать механизмы критического анализа как традиционных, так и новейших моделей социальной коммуникации, а также станет необходимым критерием для решения повседневных задач в современном интегрирующемся глобальном сообществе.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург – М.: У-Фактория; Астрель, 2019. 895 с.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
4. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. И. Хестановой и Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
5. Рорти Р. Универсализм, романтизм, гуманизм: лекция / пер. с англ. С. Д. Серебряного. М.: РГГУ, 2004. 56 с.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3-х ч. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. 89 с.
8. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40-53.
9. Яцевич М. Ю. Этико-онтологические основания власти в западноевропейской философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 217-219.

CRITICISM OF IDEOLOGY AS IDEOLOGICAL CRITICISM IN SOCIAL DISCOURSE OF POST-MODERNISM

Yatsevich Mariya Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev
Maria762003@list.ru

The article is devoted to investigating the influence of the prevailing social and philosophical theories of the modernism and post-modernism period on the formation of ideology phenomenon. The paper provides the analysis of the ontological and methodological ideology principles determining its essential characteristics under the dominance of certain philosophical discourse. The author identifies the relation between the criticism of ideology phenomenon and the development and interpretation of social practices in the West European society.

Key words and phrases: ideology; discourse; social theory; ontology; methodology; social practices; social ideals; modernism; post-modernism.